Жизнь и учение Конфуция

Автор:

[Павел Буланже](#)

Жизнь и учение Конфуция

Павел Александрович Буланже

«Прежде чем начать перевод священных книг китайцев, является чрезвычайно необходимым сделать довольно большое отступление. Вообще говоря, мы не избалованы исследованиями о жизни восточно-азиатских, африканских, полинезийских народов. Те несколько сочинений путешественников, купцов, военных, которые мы имеем, большей частью трактуют обо всех внешних явлениях жизни народа, которые бывают доступны беглому обзору путешественника и не касаются внутренней жизни страны, ее духовной культуры. Последняя обыкновенно остается чуждой и непонятной им, да и не мудрено: чтобы понять ее, надо войти в духовные интересы народа, надо жить ими, проникнуться ими, надо хотя бы несколько отрешиться от своего мировоззрения, а в особенности от того кичливого мировоззрения, с которым так привык относиться европеец к народам другой, чем он, расы...»

Павел Буланже

Жизнь и учение Конфуция

Введение

Прежде чем начать перевод священных книг китайцев, является чрезвычайно необходимым сделать довольно большое отступление.

Вообще говоря, мы не избалованы исследованиями о жизни восточно-азиатских, африканских, полинезийских народов. Те несколько сочинений путешественников, купцов, военных, которые мы имеем, большей частью трактуют обо всех внешних явлениях жизни народа, которые бывают доступны беглому обзору путешественника и не касаются внутренней жизни страны, ее духовной культуры. Последняя обыкновенно остается чуждой и непонятной им, да и не мудрено: чтобы понять ее, надо войти в духовные интересы народа, надо жить ими, проникнуться ими, надо хотя бы несколько отрешиться от своего мировоззрения, а в особенности от того кичливого мировоззрения, с которым так привык относиться европеец к народам другой, чем он, расы. Но обыкновенно этого не случается, и чуждый нам народ делается известным и характерным для нас только своею внешностью. Мы запечатлеваем чудесные пагоды, странную для нас архитектуру, отсутствие или присутствие идолов, длинные косы у мужчин, маленькие ноги у женщин и т. п. Мы знаем, что китайцы, например, исповедуют конфуцианскую, даосскую и буддийскую религии, и вполне удовлетворяемся этим. Мы даже имеем переводы на своих европейских языках их священных книг, но и к ним относимся большей частью как к чему-то курьезному, часто детскому или некультурному лепету находящегося на низшей ступени развития народа. Мы знаем, что нет нигде лучшей культуры, лучшей науки, лучшей религии, чем у нас, и потому нам и в голову не приходит, что те принципы жизни других народов, которыми они живут, могут быть несколько не ниже тех, которыми мы живем.

Как это ни странно, но мы не останавливаемся на исследовании религиозной жизни народа, к исследованию жизни народа мы применяем другие, выработанные «наукой» нашей методы. Правда, в них входит и рассмотрение религии народа, но с особой точки зрения.

Исследованы обряды, церемонии, идолы, а дух религии, то, чем живет народ, осталось вне исследования. Но мало этого. Когда за исследование религии брались «специалисты» этого дела (миссионеры, иезуиты), которые положили па эти исследования много труда, то и тогда выходила из этого исследования не польза, а один вред. Миссионеры в своих переводах искажали священные книги, подгоняя их к своим целям.

Происходившая недавно война с Китаем заставила европейский мир пристальнее взглянуть на жизнь этой огромной страны. Ближайшее знакомство с ней породило целую литературу о Китае, перечитывая которую нельзя не дивиться тем противоречивым отзывам, которые сыпятся со стороны

военных, купцов, миссионеров. Одни в восторге от выносливости, трудолюбия парода, другие с презрением рассказывают о его незлобии, трусости, непригодности к военным действиям, третьи с ужасом останавливаются на том, как легко китайцы казнят друг друга и как спокойно относятся к переходу в иной мир и т. п. И остановиться на каком-либо взгляде нет возможности, тем более что фельетонные статьи стараются нанизать как можно больше явлений.

Человеку, желающему ознакомиться с духом народа, остается все-таки один путь - пойти к его священным книгам, обратиться к тем хотя бы и отрывочным сведениям, которые даются о жизни его лицами, жившими там и характеризующими жизнь народа в основах усвоенного нами из его священных книг миропонимания, и постараться, уяснив себе то жизнепонимание, которое есть у народа, по его священным книгам, понять его жизнь.

Когда мы читаем какие-нибудь философские трактаты или религиозные учения европейцев и вообще нашего так называемого «цивилизованного мира», то мы не можем отнестись к ним критически, как бы извне: мы можем с ними соглашаться или не соглашаться, но они нам понятны; когда же мы беремся за чтение священных книг китайцев, то первое впечатление, с которым нам приходится встречаться, это совершенная чуждость и непонятность выражений, построения фразы и всего того, что, очевидно, интересует китайца. Эта чуждость, вероятно, и создала то, что, несмотря на многовековые сношения европейцев с китайцами, до сих пор и страна эта, и ее литература, наука и философия остаются для нас почти неисследованными, за исключением нескольких книг на французском и английском языках, причем писатели этих книг не всегда беспристрастно относятся к этому народу[1 - Здесь следует заметить, что в то время как Симон в восторге от китайцев и описывает их жизнь такими привлекательными красками, невольно возбуждая подозрение в односторонности, пристрастии к любимому народу, другие поступают наоборот. Наш русский ученый проф. Васильев описывает китайцев довольно черными красками; не стесняется в этом отношении и Георгиевский, написавший интересную и обстоятельную книгу «Принципы жизни Китая». Страдает таким же пристрастным отношением и ортодоксальный английский ученый, бывший миссионер Легг. При первом издании своего сочинения о Конфуции и китайцах он отнесся к ним слишком пристрастно, несправедливо. Следует отметить, что впоследствии он изменил свой взгляд. Так например, в первом издании он пишет о Конфуции: «После долгого изучения характера его и мнений я не могу почитать его за великого человека». В оксфордском же издании 1893 года он пишет: «Чем больше я изучаю характер и суждения Конфуция,

тем более я начинаю его уважать. Действительно, он был великий человек»]. Но этого мало. Оказывается, с литературой китайцев довольно трудно знакомиться как ввиду трудности этого языка, так и ввиду того, что пишут они идеографически[2 - Идеографическое письмо состоит в том, что целые понятия изображаются одним знаком.] или синтетически, тогда как наша письменность буквенная или аналитическая. По мнению таких знатоков Китая, как Симон, «есть такие сочинения, что для надлежащего их перевода недостаточно знать язык, на котором они написаны, необходимо обладать, кроме того, известными предварительными сведениями, а также большой независимостью ума и характера. А все эти качества вместе не всегда встречаются и у переводчиков-специалистов» (с. 174). Ввиду этого мы и имеем так мало переводов и сочинений, из которых мы могли бы почерпнуть более или обстоятельное знакомство с Китаем. Но мало и этого. Лицами, способствовавшими нашему знакомству с Китаем, были главным образом купцы и миссионеры. К сожалению, между исследованиями о Китае почти не встречается обстоятельных и обширных трактатов, написанных купцами. Все, что мы имеем, большей частью принадлежит миссионерам, бывшим в Китае. Им мы обязаны первыми описаниями жизни Китая и первыми переводами его священных книг. Но люди эти, через которых мы имеем почти единственную возможность знакомства с Китаем и его религией, до такой степени были проникнуты своим религиозным фанатизмом (мы говорим главным образом о миссионерах иезуитах), что, не говоря о той трудности перевода, о которой мы упоминали выше, они, нисколько не стесняясь, позволяли себе его искажать. Вот что по этому поводу пишет тот же обстоятельный исследователь Китая Симон. «Некоторые из миссионеров не довольствуются изменением очевидного смысла какого-нибудь из древних китайских символов. Примером этого может служить перевод И-цзин – главной и основной священной китайской книги, сделанный в прошлом столетии иезуитским патером Регисом. Достопочтенный патер не только перевел И-цзин, но признал также неудобными комментарии, сделанные в этой книге Конфуцием. Он просто-напросто заменил их своими собственными»[3 - Но здесь следует заметить, что один из первых миссионеров, иезуит Риччи, в 1581 году пользовавшийся успехом в Китае, сам был обращен в конфуцианство (Мюллер М. Религии Китая)]. Легко поэтому видеть, что при таких условиях познакомиться с истинным смыслом китайского учения в высшей степени трудно. Это замечание относится и вообще к религиям. Первоначальная чистота учения основателя религии до такой степени обыкновенно затемняется последователями и лжетолкователями, что до нас доходит большей частью учение в искаженном виде. Здесь же, кроме этих условий, для иностранцев китайское учение было предлагаемо в искаженном переводе. Затем мешает нам знакомиться с китайской жизнью также и то, что у китайцев сформировался

совершенно определенный, оригинальный уклад жизни и мировоззрение, резко отличающиеся от наших. Произошло это оттого, что, насколько можно судить, китайцам чуждо то понятие прогресса, эволюции, которым мы так гордимся, а, остановившись на известной религиозной системе, они с твердостью и последовательностью, удивительными для нас, проводят принципы свои в жизнь, и вся их общественная, экономическая и научная жизнь является лишь следствием такого их религиозного верования. Таким образом, религиозные учения являются у китайца основой жизни, и вот почему, как мы увидим ниже, их мудрецы в своих религиозных учениях занимались вопросами государственного правления и т. п.

Вот что говорит Георгиевский в книге «Принципы жизни Китая»: «Сознавая силу европейской позитивной науки, китайцы, поскольку им приходится видеть европейцев у себя дома или вне своей родины, в то же время сознают, что действительная жизнь последних не обосновывается на твердых принципах, что идеал не воплощается в реальности, что дела все чаще противоречат словам. Честность, гуманность, любовь ко всем людям, справедливость (понимаемую не только как легальную), преданность отечеству, супружескую верность, необходимость солидной семейственности, уважение к женщине и т. п. европеец всегда готов проповедовать звонкими фразами, а не примером своей собственной жизни, в которой весьма не часто проявляет альтруизм, обуздание животных склонностей и подчинение воли указанному религией или выработанному разумом принципу. И потому китаец видит в европейце существо грубое, мало облагороженное гуманностью, притом же существо двуличное, прикрывающее свою внутреннюю грубость высокими идеалами, не осуществленными в действительности, и не только презирает его, но и относится к нему, из чувства самосохранения, враждебно. Вот коренная причина, почему в Китае на европейцев смотрят косо, подозрительно, почему дают им нелестную кличку (ян-гуй-цзы – заморский черт[4 - Живя в Китае, Георгиевский слышал, между прочим, что кукла, изображающая черта, которого бичуют при совершении особого религиозного обряда, бывает иногда облачаема в европейское платье. Обряд побиения черта в 1882 году совершался в пекинском буддийском монастыре Юн-хэ-гун 2 марта.]), почему стараются не допускать их на новые места[5 - Портовые города Китая открывались для европейской торговли только благодаря успехам военных действий французов или англичан.] и вытесняют из тех мест, где они уже поселились[6 - Ненависть китайцев к европейцам всего сильнее обнаружилась во время тянь-цзиньской резни 1870 года. Памятником беспощадного истребления христианских миссионеров до сих пор остаются живописные руины разрушенного католического храма, построенного около того места,

где Великий канал сливается с рекой Пэй-хэ. В Ханькоу, насколько мы знаем, китайцы не раз грозились истребить европейцев в их квартале, и в апреле месяце 1883 года, по решению правительства, было казнено 70 человек китайцев, задумавших привести угрозу в исполнение.], почему находят нужным противодействовать их влиянию путем печати. Чем меньше китаец знает европейца, тем лучше к нему относится (так по крайней мере приходилось нам от многих слышать) и, наоборот, чем ближе знакомится с европейцем, тем более проникается ненавистью и враждебностью к нему. Кто из китайцев имеет всего более дела с европейцами? Конечно, кантонцы: они давно уже торгуют с европейцами в своей собственной провинции; они находятся при европейцах в большей части других городов Китая, являясь в роли факторов, торговцев заморскими товарами, фотографов, портных, содержателей гостиниц, в роли компрадоров и служителей при фирмах и частных домах; они усваивают материальную культуру Запада и пропагандируют ее. А между тем, по заявлению самих европейцев, «кантонцы известны своим буйством и ненавистью по отношению к иностранцам, и европейские фактории не раз были атакуемы разъяренной чернью, которая сдерживалась только силой оружия»».

Таким образом, нет никаких данных предполагать, что китайцы пойдут с распростертыми объятиями к европейцам и постараются ознакомиться их наивернее со своей жизнью. С другой же стороны, такое отчужденное отношение китайцев должно невольно возбуждать в исследователе, в свою очередь, отчуждение, а его диаметрально противоположное отношение к жизни еще более усиливать это чувство.

В то время как Китай, по мнению наших европейских исследователей, застыл в одном положении, мы непрерывно движемся. В то время как общий уклад жизни Китая посвящен всевозможным пустякам, на наш взгляд, как, например, культу предков, церемониям и т. п., мы вырабатываем новые высшие формы жизни. И китайская культура является в наших глазах столь отсталой, столь грубой, близкой к состоянию младенчества и дикарей, что мы совершенно отворачиваемся от нее.

Затем священные книги их написаны таким языком и трактуют о таких предметах, которые мы привыкли считать маловажными, и это обстоятельство также не способствует ознакомлению с ними.

Ввиду всего этого составитель этой книги предчувствует, что даже при внимательном отношении к книге читателя, привыкшего к искреннему и серьезному обсуждению важных жизненных вопросов, оттолкнет от нее то обстоятельство, что наряду с обсуждением наиболее важного говорится о каких-то церемониях или о музыке. Нас может поразить и оттолкнуть неуместность этих рассуждений в разных философских трактатах или религиозных книгах, но при этом мы не будем справедливы. Если мы и встречаемся с наставлениями и правилами о церемониях и музыке, которые могут поселить в нас чувство недоумения и даже презрения к такому народу, который чтит подобное учение, то во всяком случае справедливее было бы воздержаться составлять так скоро свое суждение, приняв во внимание трудности перевода соответствующих выражений с китайского языка. Нам представляется, что совсем иначе было бы, если бы мы могли понять смысл, который придают этим выражениям сами китайцы. Чтобы быть более понятным, позволим себе сравнение. Вообразим себя на время в положении китайцев, которые желали бы изучить наш язык и познакомиться с нашей литературой, наукой, религией и которые отнеслись бы к своей задаче вполне серьезно. Мы думаем, что при этом их в высшей степени поразило бы наше слово «любовь». Слово это они прочли бы в романе, где любовник признается в любви своей возлюбленной, прочли бы его в философии, прочли бы его в наших религиозных книгах и проповедях, и слово это, вероятно, повергло бы их в полное удивление и создало бы у них нечто вроде презрения к нам. Если мы в нашей религии пользуемся словом «любовь» в том же смысле, в каком любовник пользуется им для своей возлюбленной, то какое же высокое значение можно было бы придавать нашей религии? Таким образом, китайцу, для того чтобы понять истинный смысл этого нашего выражения, необходимо не ограничиваться только поверхностным знакомством с нашим лексиконом, а довериться серьезному значению для нас нашей религии и нашей философии и проникнуть в истинное значение этого слова.

Но даже если бы китайский язык и был нам неизвестен, тем не менее по смыслу тех книг, которые переведены на европейские языки, мы сами могли бы до некоторой степени представить, что и такие выражения, как церемонии и музыка, которым китайцы придают огромное значение, действительно заслуживают того, чтобы им это значение придавать.

Церемонии – это регламентация известных повседневных поступков человека. На Востоке люди издавна привыкли к почтительному, вежливому обращению друг с другом. Быть может, причиной этому верование их в переселение душ. Буддийская религия, насчитывающая не одну сотню миллионов, если не учит тому же, то все те предрассудки и обычаи, которые вкоренились у верующих,

заставляют их верить в ту же необходимость известного обхождения друг с другом. Очевидно, седая древность народов Востока передала им одно и то же наследство, в котором в такой полноте было отказано нам. Но если надо относиться к человеку ласково, любовно, дружелюбно, не делая ему неприятностей, то можно предусмотреть и те случаи, в которых наши поступки будут неприятны, а отсюда и является кодекс обхождения друг с другом, то есть церемонии.

В особенности основательное начало этому должен был положить соблюдаемый в чрезвычайной строгости у китайцев принцип почитания родителей и старших. Они верят в мудрость древних, старших, у них существует культ предков, а потому естественно существует и такое почтение к родителям и старшим, о котором не могут иметь представления не только у нас, европейцев, но и у соседей китайцев – буддийского Индокитая и Индостана. Насколько сильно это почитание родителей и насколько китайцы остались в этом отношении консервативны, читатель может судить из следующего.

При императоре Цзя-цине (1796–1821) случилось, что в одной из губерний муж в согласии со своею женой убил свою мать. Губернатор провинции донес об этом происшествии в Пекин, и государь, считая наказание, назначаемое законом за убиение родителей, недостаточно сильным, в эдикте своем постановил следующее: место, где случилось происшествие, проклясть и отвести под дорогу; обоих виновных подвергнуть смертной казни; мать жены-преступницы наказать палочными ударами; студентов округа, где случилось убийство, в течение трех лет не допускать до экзаменов; чиновников округа лишиться должностей и выслать; дом, в котором жили преступники, разрушить до основания. «Пусть губернатор, – прибавлялось в эдикте, – сделают мое решение известным, оно должно быть доведено до сведения народа по всей империи, и если где-либо найдутся такие отвратительные дети, которые будут противиться своим родителям, причинять им болезни или осмелятся поднять на них руку, то они будут наказаны подобным же образом. Когда ты, народ, будешь знать новое постановление, то отнесись с уважением к воле государя, подчиняйся ей и не смотри на этот эдикт как на пустые слова, так как я твердо решил подобные преступления наказывать так же, как наказал Фан-чжена. От всего моего сердца я убеждаю всякого блюсти за собой; я приказываю правителям всех губерний довести об этом до сведения старшин семейств и деревень и прочитывать мое постановление во второй и шестнадцатый день каждого месяца, чтобы выяснить важность житейских отношений и чтобы никто не восставал против своих родителей, так как я хочу, чтобы народ был проникнут детскими чувствами».

Отношения к родителям, а затем и к старшим, мудрым легли, следовательно, в основу этого кодекса церемоний. Затем отношения к мудрым и старшим повлекли за собой отношение вообще к почтенным людям, выше нас стоящим на общественной лестнице, и т. д., и т. д.

Вот каким образом создались церемонии, то есть кодекс обхождения друг с другом. Они глубоко вкоренились в китайский народ, и всегда китайцы поражают европейцев своей ласковостью и обходительностью. И потому, если читатель и не согласится с принципом церемоний, то во всяком случае он может отнестись к этому с должной серьезностью, как к тому, что имеет огромное жизненное значение для многих миллионов народа, считающего свою историю тысячелетиями и все время следовавшего этому принципу. В этом отношении наши крестьяне ближе всего подходят к китайцам своею так называемой патриархальностью.

Что касается «музыки», то вот что говорится о ней в разговорах Конфуция: «Если у человека не будет добродетелей, свойственных человечеству, то что для него музыка? (3.3); «Ум образовывается чтением од, характер воспитывается правилами поведения, окончательное же образование дает музыка» (8.8); «Когда Конфуций услышал музыку шао, он семь месяцев не мог испытывать вкуса от пищи и говорил: я не думал, чтобы могла быть такая прекрасная музыка, как эта» (7.14); «Конфуций, живя в Учэне, услышал звуки музыки инструментов и пение. Будучи доволен этим, он сказал: «Зачем пользоваться для того, чтобы зарезать курицу, огромным ножом, которым убивают быка?» Цзы Ю отвечал: «Прежде, учитель, я слышал, как ты говорил: когда человек, занимающий высшее положение, образован хорошо, то он любит людей, когда человек в низшем положении хорошо образован, то им легко управлять».

Конфуций сказал своим ученикам: «Ученики мои, слова Ю совершенно верны. Я сказал же свои только в том смысле, что жалко, если музыке, не придавали важного воспитательного значения» (17.4); «Учитель сказал о музыке шао, что она в совершенстве прекрасна, так же, как и в совершенстве хороша, возбуждая хорошие чувства. Он сказал о музыке у, что она была также в совершенстве прекрасна, но не в такой же степени хороша (3.25). – Мелодия и чувства (см. примечания к этому у Легга).

Конфуций, давая поучение главному учителю музыки в Лу, сказал: «Как играть – можно узнать. В начале песни все части должны звучать вместе. Когда музыка

продолжается, все должно быть в гармонии, и хотя и должны выделяться особенные звуки, но они не должны нарушать гармонии; и так до самого конца» (3.23).

Конфуций говорит: «Только когда я вернулся из Вэй в Лу, была преобразована музыка, и тогда только отрывки правильных од и хвалебных песен нашли свое место» (11.13); «Все это требуется приличиями, говорят. Разве все эти платья и шапки требуются приличиями? Это требуется музыкой? Разве все эти колокола, трезвон и грохот требуются музыкой?» (17.11).

Этим Конфуций хочет показать, что не одни только звуки определяют музыку, а определяет ее нечто другое – то, чему она служит.

Вот как относится Конфуций к музыке. Очевидно, музыке придавалось серьезное значение и не только значение в смысле развлечения, но и государственном. Музыка, по убеждениям китайцев, может направлять человека как на хорошие мысли, так и на дурные. И потому надо пользоваться ею осторожно и посвящать ей особое внимание. Обращается внимание и на гармонию, и мелодию, и на чувства, возбуждаемые ею. Музыка входит в кодекс священных книг и преданий, музыка регламентируется поэтому государством.

Быть может, все это для нас и необычно, но во всяком случае это не такие уже пустяки. Достаточно вспомнить тот шум, который был произведен во всей Европе «Крейцеровой сонатой» гр. Л. Н. Толстого, затем припомнить взгляды, выражаемые им об искусстве в его книге «Что такое искусство?», чтобы понять, что китайцы могут иметь основание, придавая такое значение музыке.

Таким образом читатель может видеть, что при всей чуждости для нас китайских понятий они в основаниях своих вовсе не так чужды и глупы, как это может представляться при поверхностном отношении к этому вопросу.

Но еще иначе мы должны думать, если обратимся к исследованию жизни китайцев. Отношение их как к религиозным вопросам, так и к общественным, экономическим и политическим чрезвычайно любопытно в том смысле, что нередко в области практического отношения к жизни китайцы стоят на несравненно высшей ступени, еще не достигнутой нами, еще той, к которой мы, европейцы, стремимся.

Отношение китайцев к различным верам должно поразить нас, европейцев, своей терпимостью. Если могут возразить на это ссылкой на избиение христианских миссионеров, то надо заметить, что избивали их не потому, что они были христианскими миссионерами, а, по единогласному свидетельству всех серьезных исследователей жизни Китая, лишь потому, что христианские миссионеры менее всего занимались своей религиозной миссией, а разными политическими интригами, чем справедливо восстанавливали против себя.

Кроме того, христианские миссионеры несли за собой в Китай меч европейских войск и насилия европейских держав. Трудно думать, чтобы христианство подверглось бы в Китае нетерпимости, в особенности если вспомнить, что, например, в XVI в. к христианству были настолько расположены император и высшие классы, что в Европе стали мечтать об обращении всего Китая в христианство. Так что возражение о гонениях христианских миссионеров едва ли должно иметь место. Но помимо этого в Китае с очень давних пор уживаются три господствующие в нем религии: конфуцианство, буддизм и даосизм, не говоря уже о бесчисленных сектах, тогда как мы этого до сих пор не можем сказать про жизнь европейских народов.

Переходя затем к одной из религий китайцев – конфуцианской, следует заметить, что Конфуций никогда не касается таких вопросов, как создание мира, конец мира и т. п. Его никогда не беспокоил вопрос о происхождении человека, никогда не пробовал он искать того, что будет с человеком потом. Его не затрагивала ни физика, ни метафизика. Вот каково свидетельство «разговоров» по поводу предметов его учения. «Наиболее частыми темами его разговоров были книга поэзии, книга истории и поддержание правил благочиния». «Он учил наукам, этике, преданности своей душе, правдивости». «Не любил же он рассказывать о необычайных вещах, о какой-нибудь необычайной силе, о каких-нибудь беспорядках, о духовных существах и т. п.»

В сведениях о его жизни мы не находим никаких рассказов о необычайных откровениях, о сверхъестественных видениях и т. п., и английский переводчик его Легг поражается его практическим умом и глубоко сожалеет о том, что он не был просвещен светом христианского учения.

Такая отличительная черта конфуцианской веры заставляла ученых поднимать вопрос о том, был ли Конфуций новатором веры в Китае, то есть он ли ввел религию, в которой все как бы проникнуто практичностью, где отсутствуют столь свойственные другим народам представления о духах,

сверхъестественных явлениях и т. п., или же его религиозная система была продолжением и естественным следствием учения древних мудрецов. Английские ученые Легг и Гарвиг при этом расходятся в своих взглядах. Первый говорит, что Конфуций не исповедовал веры древних мудрецов. Обосновывает свое мнение на том, что Конфуций ничего не говорит о Боге, тогда как имя это является известным уже в Ши-цзин и Шу-цзин. Ди, или Шан ди, в этих древних книгах является тем личным существом, правящим на небе и на земле, создателем человеческой нравственной природы, правителем среди народа, который ставит у них королей и князей судить людей, вознаграждающий за добро и наказывающий за зло. Конфуций же везде говорит о небе. Действительно, читатель найдет это как в прилагаемом переводе двух классических книг, так и в «Разговорах», – везде он держится той же почвы. «Тот, кто совершает преступление против небес, не имеет никого, кому бы он мог помолиться» («Разговоры», 3: 13). «Увы, – сказал он, – нет никого здесь, кто знает меня». Цзы Гун сказал: «Что вы подразумеваете, говоря, что никто не знает вас?» Он отвечал: «Я не ропщу против небес и не сержусь на людей. Познания мои низки, а проникновение мое подымается высоко. Но существует небо, и небо знает меня» («Разговоры», 16; 37). И ни разу во всех «Разговорах» не дается название тому, что он понимает под небом. Это и заставило Легга считать его не только не религиозным, но совершенно наоборот. Он думает, что Конфуций в значительной степени содействовал тому, что в следующие за ним века поколение за поколением ученых проповедовало в Китае атеизм.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Здесь следует заметить, что в то время как Симон в восторге от китайцев и описывает их жизнь такими привлекательными красками, невольно возбуждая подозрение в односторонности, пристрастии к любимому народу, другие поступают наоборот. Наш русский ученый проф. Васильев описывает китайцев довольно черными красками; не стесняется в этом отношении и Георгиевский, написавший интересную и обстоятельную книгу «Принципы жизни Китая». Страдает таким же пристрастным отношением и ортодоксальный английский ученый, бывший миссионер Легг. При первом издании своего сочинения о Конфуции и китайцах он отнесся к ним слишком пристрастно, несправедливо. Следует отметить, что впоследствии он изменил свой взгляд. Так например, в первом издании он пишет о Конфуции: «После долгого изучения характера его и мнений я не могу почитать его за великого человека». В оксфордском же издании 1893 года он пишет: «Чем больше я изучаю характер и суждения Конфуция, тем более я начинаю его уважать. Действительно, он был великий человек».

2

Идеографическое письмо состоит в том, что целые понятия изображаются одним знаком.

3

Но здесь следует заметить, что один из первых миссионеров, иезуит Риччи, в 1581 году пользовавшийся успехом в Китае, сам был обращен в конфуцианство (Мюллер М. Религии Китая).

4

Живя в Китае, Георгиевский слышал, между прочим, что кукла, изображающая черта, которого бичуют при совершении особого религиозного обряда, бывает

иногда облачаема в европейское платье. Обряд побиения черта в 1882 году совершался в пекинском буддийском монастыре Юн-хэ-гун 2 марта.

5

Портовые города Китая открывались для европейской торговли только благодаря успехам военных действий французов или англичан.

6

Ненависть китайцев к европейцам всего сильнее обнаружилась во время тянь-цзиньской резни 1870 года. Памятником беспощадного истребления христианских миссионеров до сих пор остаются живописные руины разрушенного католического храма, построенного около того места, где Великий канал сливается с рекой Пэй-хэ. В Ханькоу, насколько мы знаем, китайцы не раз грозились истребить европейцев в их квартале, и в апреле месяце 1883 года, по решению правительства, было казнено 70 человек китайцев, задумавших привести угрозу в исполнение.

Купить: https://tellnovel.com/bulanzhe_pavel/zhizn-i-uchenie-konfuciya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)